

УДК 343.2

DOI 10.24147/2542-1514.2018.2(2).14-19

«УГОЛОВНОЕ ПРАВО ПОТЕРПЕВШЕГО» КАК МОДЕЛЬ УГОЛОВНОГО ПРАВА

И.А. Третьяк

Аппарат Губернатора и Правительства Омской области, г. Омск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

27 апреля 2018 г.

Дата принятия в печать –

20 мая 2018 г.

Дата онлайн-размещения –

20 августа 2018 г.

Анализируются основные модели уголовного права и ставится вопрос о существовании модели «уголовного права потерпевшего», предлагается ее теоретическое обоснование.

Ключевые слова

Школа уголовного права,
модель уголовного права,
потерпевший, теория
восстановительного правосудия,
правовой статус, уголовное право

THE “CRIMINAL LAW OF VICTIM” AS A CRIMINAL LAW MODEL

Irina A. Tretyak

The office of the Governor and the Government of Omsk region, Omsk, Russia

Article info

Received – 2018 April 27

Accepted – 2018 May 20

Available online – 2018 August 20

The subject. The article is devoted to analysis of the basic models of criminal law and the impact of victim’s legal status on the criminal legal theory.

The purpose of the paper is to substantiate the existence and the importance of “criminal law of victim” as basic model of criminal legal theory.

The methodological basis of the research includes general-scientific methods (analysis and synthesis, system-structural approach) as well as academic methods (formal-legal method, method of interpretation of legal texts).

Keywords

Criminal law school, criminal law
model, victim, restorative justice,
legal status, criminal law

Results and scope of application. The definition of the role of the victim, the importance of his legitimate interests in the implementation of criminal liability is complicated by the fact that the basic models of criminal law developed by science – “criminal law of the offender” and “criminal law of the crime” – do not consider the victim as a subject of criminal legal relations. The theoretical models of criminal law are embodied in the criminal law, specific legal relations, law enforcement acts, etc., in connection with which there are specific indicators – the parameters by which it is possible to determine which model of criminal law is implemented. If the question of the criminal legal personality of the victim is controversial, in my opinion, there is no doubt that the victim is a party to the criminal law conflict, which often begins to unfold long before the crime.

Conclusions. Recognizing the victim as a subject of criminal legal relations, as well as a participant in the criminal law conflict, it is possible to talk about the formation of a new model of criminal law – “the criminal law of victim”.

1. Развитие основных моделей уголовного права

Правовое положение потерпевшего в уголовном праве является весьма сложным теоретическим вопросом, рассмотрению которого был посвящен целый ряд научных работ [1–4]. Определение роли

потерпевшего, значения его законных интересов при реализации уголовной ответственности осложняется тем, что разработанные наукой основные модели уголовного права – «уголовное право преступника» и «уголовное право преступления» – не рассматри-

вают потерпевшего в качестве субъекта уголовного правоотношения.

Так, классическая школа уголовного права, сосредоточившая внимание на формально-юридической конструкции состава преступления, формах вины и признаках преступного деяния, послужила доктринальной основой для формирования идеи «уголовного права преступления», предполагавшей априорное изучение преступления как абстрактной юридической сущности [5, с. 23]. Представители данной школы не ограничивались изучением только преступного деяния, но при этом акцентировали на нем внимание, одновременно отмечая теоретическую и практическую вредность нивелирования уголовно-правового значения лица, совершившего преступление [6, с. 79].

Социологическая школа уголовного права предложила иной вектор развития и выдвинула на первый план преступника как социальное существо. Таким образом, преступник, деятель стал главным действующим лицом уголовного правоотношения [5; 7].

2. Учет личности преступника

Именно позитивистская школа уголовного права, появившаяся в последней четверти XIX в., поставила перед современниками и будущими поколениями юристов трудноразрешимую проблему, заключающуюся в необходимости учета личности лица, совершившего преступление, при назначении наказания. В частности, данная проблема была подробно освещена Ф. фон Листом, считавшим, что наказание должно определяться сообразно особенностям преступника [8, с. 70–71].

Многолетние попытки реализовать на практике идею учета личности преступника породили целый ряд эмпирических исследований [9; 10]. По результатам проведенного автором исследования, в 40 судебных актах судов общей юрисдикции (Верховного Суда РФ и судов субъектов федерации), вынесенных по уголовным делам за период с марта 2006 по ноябрь 2010 г., указывались следующие данные о личности виновного: характеристики с места жительства, работы – в 72,5 % случаев; состояние здоровья – в 37,5 %; наличие иждивенцев – в 35 %; наличие / отсутствие судимости – в 22,5 %; возраст – в 20 %; семейное положение и наличие работы – в 17,5 %. Однако понятие личности, в том числе преступника, значительно шире по содержанию и включает в себя устойчивые социально обусловленные психологические характеристики, которые проявляются в общественных связях и отношениях, определяют нравственные поступки конкретного человека

и имеют существенное значение для самого лица и для окружающих [11, с. 471; 12, с. 335–336]. Таким образом, имеющее место в судебной практике по уголовным делам установление лишь определенных признаков, таких как возраст, состояние здоровья, семейное положение и т. п., не охватывает всей совокупности многогранных свойств личности и свидетельствует об учете личности преступника далеко не в полном объеме при назначении наказания.

Вместе с тем некоторые страны всё же достигли положительных результатов в вопросе учета личности преступника при назначении наказания, реализуя тем самым модель «уголовного права преступника». Примером такой положительной практики может служить ювенальное уголовное право Германии, фактически нацеленное на максимальный учет личности несовершеннолетнего преступника, что реализуется путем взаимодействия суда и специальной службы помощи в ювенальном суде (*Jugendgerichtshilfe*). В данной службе работают профессиональные педагоги и психологи, составляющие для суда отчет, содержащий необходимые сведения, позволяющие получить представление о личности подростка и спрогнозировать его дальнейшее поведение [13, с. 37–40].

3. Параметры основных моделей уголовного права

Исследуемые теоретические модели уголовного права воплощаются в уголовно-правовых нормах, конкретных правоотношениях, правоприменительных актах и т. д. В связи с этим существуют своеобразные индикаторы – параметры, по которым можно определить, какая модель уголовного права реализуется.

Одним из таких индикаторов является сфокусированность уголовно-правового регулирования на определенном субъекте уголовного правоотношения. Иначе говоря, в рамках модели «уголовного права преступника» применение конкретных мер уголовной ответственности осуществляется исходя из свойств личности деятеля, свидетельствующих о возможности исправления, о целесообразности применения того или иного вида наказания и подобном, что на практике означает учет личности преступника при назначении наказания. «Уголовное право преступления», напротив, предполагает применение конкретных мер уголовной ответственности в зависимости от различных характеристик совершённого деяния (обстановка, тяжесть совершённого преступления, вина, мотив и т. д.). На практике это означает назначение наказания в соответствии с характером и тяжестью совершённого преступления без учета личности дея-

теля, в связи с чем в данной модели главенствующее значение принадлежит государству как субъекту уголовных правоотношений, наделенному правом устанавливать в уголовном законе юридические составы преступлений и определять их тяжесть в зависимости от общественной опасности содеянного. Данное обстоятельство обусловлено тем, что традиционно в науке уголовного права выделяли лишь двух субъектов уголовного правоотношения: государство и преступника [14; 15]. Вместе с тем некоторые авторы высказывают мнение о необходимости выделения потерпевшего как самостоятельного субъекта уголовного правоотношения [3; 16–18].

4. Идея уголовной правосубъектности потерпевшего

Если вопрос об уголовной правосубъектности потерпевшего является спорным, то, на наш взгляд, не вызывает сомнения тот факт, что потерпевший является участником уголовно-правового конфликта, который нередко начинает разворачиваться задолго до события преступления. В.Н. Кудрявцев по этому поводу отмечает, что преступление, где имеются потерпевшие – конкретные лица, как правило, создает конфликтную ситуацию или прямой межличностный (межгрупповой) конфликт, разрешаемый затем путем усилий частных лиц, в том числе самих потерпевших, а также с помощью государственных институтов в процессе уголовного судопроизводства [19, с. 165–166; 20, с. 13–14]. Таким образом, потерпевший так или иначе присутствует в криминальном конфликте, что, исходя из общей теории юридической конфликтологии, позволит использовать его интересы, усиливая при разрешении возникшего конфликта.

Принятие новой конституционной модели взаимоотношений между государством и личностью послужило стимулом к возрастанию актуальности вопроса об уголовной правосубъектности потерпевшего. Изменение стратегии правового регулирования, о котором говорили еще накануне принятия действующего УК РФ¹ [21, с. 44–45], привело к переоценке значения такой цели уголовного наказания, как восстановление социальной справедливости, поскольку ставшее традиционным понимание наказания в качестве кары за содеянное не порождало по-

ложительного внешнего эффекта, в частности для потерпевшего.

Развитию идеи уголовной правосубъектности потерпевшего, его значения в определении меры ответственности, способствовало также появление правовой позиции Конституционного Суда РФ, согласно которой публичный характер уголовного права и складывающихся на его основе отношений не исключает, что при установлении общественной опасности деяния, посягающего на права и законные интересы конкретного лица, следует учитывать как существенность нарушения этих прав и законных интересов для самого потерпевшего, так и оценку им самим тяжести причиненного ему вреда и адекватности подлежащих применению к виновному мер правового воздействия².

5. Обоснование модели «уголовного права потерпевшего»

Признавая потерпевшего субъектом уголовного правоотношения, а также участником уголовно-правового конфликта, возможно говорить о становлении новой модели уголовного права – «уголовного права потерпевшего».

Обоснованием данной модели можно считать теорию, появившуюся в 1970-е гг. в США и получившую название восстановительного правосудия (*restorative justice*) [22–24]. Примечательно, что стимулом к появлению данной теории стали изменения в общественной жизни, выразившиеся, например, в создании различных общественных объединений: в США в целях развития мирных способов урегулирования разногласий в 1972 г. было создано Общество профессионалов в разрешении споров (*The Society for Professionals in Dispute Resolution – SPIDR*) [24, с. 34]; в Великобритании в 1979 г. была создана Национальная ассоциация поддержки потерпевших, а в 1984 г. – общественная организация «Медиация Великобритании» [25, с. 110].

В основе восстановительного правосудия лежит положение о том, что преступление, в первую очередь, порождает обязательство совершившего его лица загладить причиненный вред. Такая реакция на преступление в наибольшей степени отвечает и потребностям жертв, и ресоциализации правона-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2005 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части ше-

стой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда г. Мурманска» // Российская газета. 2005. 8 июля.

рушителя, и интересам общества в целом [26, с. 115]. При этом возможно умаление вопроса возмещения материального ущерба при концентрации внимания на психологических последствиях преступного деяния для каждого из участников конфликта [25, с. 113]. Ввиду вышеизложенного, столь пристальное внимание к фигуре потерпевшего не случайно, так как сама идея восстановительного правосудия направлена на то, чтобы «восстановить в правах», в первую очередь, потерпевшего, а также использовать дополнительные средства для разрешения возникшего уголовно-правового конфликта.

На сегодняшний день во многих странах, уголовное законодательство которых восприняло новации теории восстановительного правосудия, наказание перестает быть классической и безусловной реакцией государства на преступление. Тому есть ряд причин, среди которых многолетние попытки различных стран снизить численность тюремного населения, сократить расходы пенитенциарной системы и предотвратить стигматизацию личности, когда возможно урегулирование уголовно-правового конфликта иными способами (медиация, примирение, деятельное раскаяние и т. п.). Так, в 1985 г. Комитет Министров Совета Европы отметил, по существу указав на недостатки моделей «уголовного права преступления» и «уголовного права преступника», что цели системы уголовного правосудия традиционно

выражались в терминах, которые касаются, главным образом, отношения между государством и правонарушителем, но впоследствии работа этой системы иногда имела тенденцию к суммированию, а не к сокращению проблем потерпевшего, в связи с чем членам Совета Европы было рекомендовано изучить возможные преимущества схем примирения и посредничества, т. е. обратиться к механизмам восстановительного правосудия, а также содействовать исследованиям по эффективности положений, затрагивающих пострадавших, и поощрять их³.

6. Выводы

Ежегодно каждый десятый житель России становится жертвой преступления и признается потерпевшим⁴. Ущерб от преступлений только за период с января по июнь 2017 г. составил 206,63 млрд руб.⁵, при этом до 50 %⁶ потерпевших не желают предъявлять гражданский иск в уголовном процессе. Данные обстоятельства свидетельствуют во многом о неэффективности защиты прав потерпевших от преступлений в рамках существующих моделей «уголовного права преступления» и «уголовного права преступника». В связи с этим возрастает актуальность проблемы становления новой модели уголовного права, сфокусированной на потерпевшем, его роли и значении в уголовном правоотношении, – модели «уголовного права потерпевшего».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анощенко С.В. Уголовно-правовое учение о потерпевшем / С.В. Анощенко; отв. ред. Н.А. Лопашенко. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 248 с.
2. Прянишников Е. Потерпевший от преступления / Е. Прянишников // Законность. – 1994. – № 12. – С. 35–37.
3. Пудовочкин Ю. К вопросу о статусе потерпевшего в уголовно-правовых отношениях / Ю. Пудовочкин, Н. Генрих // Уголовное право. – 2009. – № 6. – С. 55–59.
4. Фаргиев И.А. Учение о потерпевшем в уголовном праве России: критерии научности и перспективы развития / И.А. Фаргиев // Государство и право. – 2005. – № 8. – С. 25–30.
5. Ферри Э. Уголовная социология / Э. Ферри. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 658 с.
6. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая: в 2 т. / Н.С. Таганцев. – М.: Наука, 1994. – Т. 2. – 380 с.
7. Чубинский М.П. Очерки уголовной политики: Понятие, история и основные проблемы уголовной политики как составного элемента науки уголовного права / М.П. Чубинский. – М.: ИНФРА-М, 2008. – 435 с.

³ Рекомендация № R (85) 11 Комитета Министров «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса» (28 июня 1985 года) // Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М.: СПАРК, 1998. С. 115–116.

⁴ Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в РФ от 4 июня 2008 г. Проблемы защиты прав потерпевших от преступления // Российская газета. 2008. 4 июня.

⁵ Состояние преступности в России за январь – июнь 2017 года // Генеральная прокуратура Российской Федерации: офиц. сайт. URL: https://www.genproc.gov.ru/upload/iblock/454/Ежемесячный_сборник_июнь_2017_с_характеристикой_var_2.pdf.

⁶ Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в РФ от 4 июня 2008 г.

8. Лист Ф. фон. Учебник уголовного права. Общая часть / Ф. Лист. – М.: Т-во Тип. А.И. Мамонтова, 1903. – 358 с.
9. Бурлаков В.Н. Уголовное право и личность преступника / В.Н. Бурлаков. – СПб.: Изд. дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2006. – 240 с.
10. Овчаренко З.В. К вопросу об изучении личности несовершеннолетнего виновного / З.В. Овчаренко // Российский судья. – 2008. – № 9. – С. 30–35.
11. Маклаков А.Г. Общая психология: учеб. для вузов / А.Г. Маклаков. – СПб.: Питер, 2010. – 583 с.
12. Немов Р.С. Психология: учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений: в 3 кн. / Р.С. Немов. – 4-е изд. – М.: ВЛАДОС, 2003. – Кн. 1: Общие основы психологии. – 688 с.
13. Библик О.Н. Введение в ювенальное уголовное право Германии: учеб. пособие / О.Н. Библик. – Омск: Ом. гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского, 2009. – 83 с.
14. Филимонов В.Д. Правоотношения. Уголовные правоотношения. Уголовно-исполнительные правоотношения / В.Д. Филимонов, О.В. Филимонов. – М.: ЮрИнфоР-Пресс, 2007. – 335 с.
15. Российское уголовное право: в 2 т. / под ред. проф. Л.В. Иногамовой-Хегай, проф. В.С. Комисарова, проф. А.И. Рарога. – М.: ИНФРА-М, 2003. – Т. 1: Общая часть. – 623 с.
16. Уголовное право. Общая часть / под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой. – М.: НОРМА, 2000. – 623 с.
17. Квашиш В.Е. Содержание уголовно-правового отношения (концептуальная модель) / В.Е. Квашиш, Н.В. Генрих // Уголовное право. – 2010. – № 4. – С. 29–34.
18. Сумачев А.В. Пострадавший как субъект уголовного правоотношения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Сумачев. – Рязань, 1997. – 25 с.
19. Юридическая конфликтология / под ред. В.Н. Кудрявцева. – М.: Изд-во ИГиП РАН, 1995. – 316 с.
20. Кудрявцев В.Н. Юридический конфликт / В.Н. Кудрявцев // Государство и право. – 1995. – № 9. – С. 9–14.
21. Современные тенденции развития уголовного законодательства и уголовно-правовой теории (Конференция в ИГП РАН) // Государство и право. – 1994. – № 6. – С. 44–76.
22. Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание / Х. Зер; общ. ред. Л.М. Карнозовой; коммент. Л.М. Карнозовой и С.А. Пашина. – М.: Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. – 328 с.
23. Сесар К. Карательное отношение общества: реальность и миф / К. Сесар // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1998. – № 4. – С. 162–171.
24. Носырева Е.В. Альтернативное разрешение споров в США / Е.В. Носырева. – М.: Городец, 2005. – 320 с.
25. Головки Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном английском праве / Л.В. Головки // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1998. – № 3. – С. 103–113.
26. Карнозова Л.М. Место примирения и посредничества в доктрине уголовного правосудия (Экспертный семинар, проведенный сектором проблем правосудия Института государства и права РАН совместно с Общественным центром «Судебно-правовая реформа») / Л.М. Карнозова // Государство и право. – 2006. – № 9. – С. 115–122.

REFERENCES

1. Anoshchenkova S.V. *Criminal law doctrine of victim*. Moscow, Wolters Kluwer Publ., 2006. 248 p. (In Russ.).
2. Pryanishnikov E. Victim of the crime. *Zakonnost'*, 1994, no. 12, pp. 35–37. (In Russ.).
3. Pudovochkin Yu.Ye., Genrikh N.V. On the status of the victim in criminal relations. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2009, no. 6, pp. 55–59. (In Russ.).
4. Fargiev I.A. Theory of victim in Criminal law of Russia: The criteria of scientific level and perspectives of development. *Gosudarstvo i pravo*, 2005, no. 8, pp. 25–30. (In Russ.).
5. Ferri E. *Criminal Sociology*. Moscow, INFRA-M Publ., 2005. 658 p. (In Russ.).
6. Tagantsev N.S. *Russian criminal law. Lectures. General part*, in 2 volumes. Moscow, Nauka Publ., 1994. Vol. 2. 380 p. (In Russ.).
7. Chubinskii M.P. *Essays on criminal policy: The concept, history and main problems of criminal policy as an integral part of the science of criminal law*. Moscow, INFRA-M Publ., 2008. 435 p. (In Russ.).

8. von Liszt F. *Textbook of criminal law. General part*. Moscow, A.I. Mamontov Publ., 1903. 358 p. (In Russ.).
9. Burlakov V.N. *Criminal law and criminal personality*. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2006. 240 p. (In Russ.).
10. Ovcharenko Z.V. To the question about the study of the personality of minors guilty. *Rossiiskii sud'ya = Russian Judge*, 2008, no. 9, pp. 30–35. (In Russ.).
11. Maklakov A.G. *General psychology*. St. Petersburg, Piter Publ., 2010. 583 p. (In Russ.).
12. Nemov R.S. *Psychology*, in 3 volumes, 4th ed. Moscow, VLADOS Publ., 2003. Vol. 1. 688 p. (In Russ.).
13. Bibik O.N. *Introduction to juvenile criminal law in Germany*. Omsk, Dostoevsky Omsk State University Publ., 2009. 83 p. (In Russ.).
14. Filimonov V.D., Filimonov O.V. *Legal Relations. Criminal legal relations. The penal legal relationship*. Moscow, YurInfoR-Press Publ., 2007. 335 p. (In Russ.).
15. Inogamova-Khegai L.V., Komissarov V.S., Rarog A.I. (eds.). *The Russian criminal law*, in 2 volumes. Moscow, INFRA-M Publ., 2003. Vol. 1. 623 p. (In Russ.).
16. Kozachenko I.Ya., Neznamova Z.A. (eds.). *Criminal law. General part*. Moscow, NORMA Publ., 2000. 623 p. (In Russ.).
17. Kvashis V.Ye., Genrikh N.V. The subject-matter of criminal relations (conceptual model). *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2010, no. 4, pp. 29–34. (In Russ.).
18. Sumachev A.V. *The victim as a subject of criminal legal relationship*, Cand. Diss. Thesis. Ryazan, 1997. 25 p. (In Russ.).
19. Kudryavtsev V.N. (ed.). *Legal conflictology*. Moscow, The Institute of State and Law of The Russian Academy of Sciences Publ., 1995. 316 p. (In Russ.).
20. Kudryavtsev V.N. Legal conflict. *Gosudarstvo i pravo*, 1995, no. 9, pp. 9–14. (In Russ.).
21. Modern trends in the development of criminal law and criminal law theory (Conference in the IGP RAS). *Gosudarstvo i pravo*, 1994, no. 6, pp. 44–76. (In Russ.).
22. Zehr H. *Changing Lenses. A new focus for crime and justice*. Moscow, Tsentr "Sudebno-pravovaya reforma" Publ., 2002. 328 p. (In Russ.).
23. Sessar K. Punitive Attitudes of the Public: Reality and Myth. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = Proceedings of Higher Education Institutions. Pravovedenie*, 1998, no. 4, pp. 162–171. (In Russ.).
24. Nosyreva E.V. *Alternative dispute resolution in the United States*. Moscow, Gorodets Publ., 2005. 320 p. (In Russ.).
25. Golovko L.V. Alternatives to Prosecution in the Contemporary English Law. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = Proceedings of Higher Education Institutions. Pravovedenie*, 1998, no. 3, pp. 103–113. (In Russ.).
26. Karnozova L.M. The place of reconciliation and mediation in the doctrine of criminal justice (Expert seminar, held by the Sector of problem of justice of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences together with Social Center "Judicial Law Reform"). *Gosudarstvo i pravo*, 2006, no. 9, pp. 115–122. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Третьяк Ирина Александровна – кандидат юридических наук, помощник Первого заместителя Председателя Правительства Омской области *Аппарат Губернатора и Правительства Омской области*
644043, Россия, г. Омск, ул. Красный Путь, 1
e-mail: irina.delo@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Irina A. Tretyak – PhD in Law, assistant to the First Deputy Chairman of the Government of Omsk region *The office of the Governor and the Government of Omsk region*
1, Krasnyi Put' ul., Omsk, 644043, Russia
e-mail: irina.delo@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Третьяк И.А. «Уголовное право потерпевшего» как модель уголовного права / И.А. Третьяк // *Правоприменение*. – 2018. – Т. 2, № 2. – С. 14–19. – DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(2).14-19.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Tretyak I.A. The "criminal law of victim" as a criminal law model. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2018, vol. 2, no. 2, pp. 14–19. DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(2).14-19. (In Russ.).